

Владимир Проскурин

«ДЫМ ОТЕЧЕСТВА»

Из истории табаков и табаководов Семиречья

Начало 30-х годов прошлого столетия, утверждения новой столицы Казахстана Алма-Аты, проведения железнодорожного пути Турксиба привело к развитию архитектуры и градостроительства в западной части самых длинных улиц в городе – Комсомольской и Пастера (Кульджинской). Были реконструированы на западе сельскохозяйственные земли Тастака и Кучегуры (т. н. новый западный район), обустроены территории Ташкентской аллеи, рек Малая и Большая Весновка, Большая Алматинка. Началось строительство предприятий кустарно-промысловой кооперации, заводов и фабрик пищевой и легкой промышленности. В том числе питомника, плодоовощного комбината, табачной фабрики и ферментационного завода по переработке прекрасных желтых табаков Семиречья.

Но есть и другая притча, связанная со строительством табачной фабрики. В 1933 году москвич А. А. Риттих переехал с семьей из Москвы в Алма-Ату, получил ставку начальника планово-экономического отдела, с правами главного архитектора фабрики и управления Главтабака (здание возведено в 1936 г. на ул. Пастера; ныне – М. Макатаева).

В ассортименте фабрики были папиросы «Алма-Ата», «Хан-Тенгри», «Казбек», «Беломорканал». Иные, отраженные в куреве, понятия прошлого столетия. В годы войны это было совместное предприятие с харьковскими табачниками по производству курительной махорки, папирос, сигарет... Причем продукция выпускалась для фронтовиков в коробках с рисунками группы художников Кукрыниксы и стихами поэта С. Маршак (жившего в эвакуации в Алма-Ате).

Каким образом А. Риттих оказался в нашем городке, были ли тому политические причины или сталинская ссылка в Заилийский край, неизвестно. Попытка восстановить биографию Риттиха, его трудную жизнь и судьбу, оказалась сложной. Александр Александрович Риттих (1889–1945 гг.) известен как художник, скульптор, архитектор, педагог и наставник. Исследователь Е. А. Кибрик, изучавший украинский период жизни и работу художника в Николаеве, отмечает: «...когда я познакомился с Александром, ему было тридцать три года.

...Небольшого роста, изящный блондин с бородкой, длинными волосами, он обладал обликом, очень похожим на тот, который придавался обычно изображению Иисуса Христа... Риттих был художник европейского типа, вернее, немецкого.

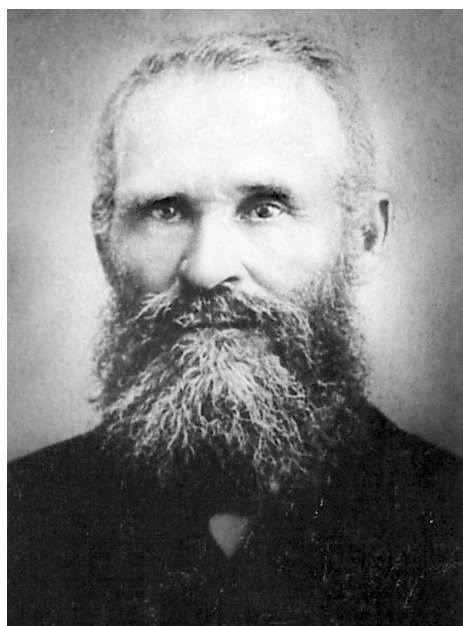

Он и учился в Мюнхене и Вене и, как я сейчас понимаю, работал явно в манере Боклина, так поразившего в свое время молодого Репина...»

По его проектам и техническим замыслам возведены объекты Большой Алма-Аты – контора Госбанка на ул. Панфилова, Аэроклуб на ул. Пролетарской, жилкомбинаты на ул. Фурманова, украшенные скульптурами и дизайном Риттиха. Он принял участие в возведении казахстанского павильона сельхозвыставки ВСХВ в Москве с многообещающим названием: «...художники в борьбе за социалистическое строительство». Мастер написал для выставки работы «Широка страна моя родная», «Сбор семян», «Молодежь на свекле», «Белое золото» в стиле декоративной живописи.

Так уж случилось, что те или иные памятники творчества архитектора снесены до основания в нашем городе. Правда, его раритеты были переданы наследниками в Кастеевский музей. Словом, творческая работа А. А. Риттиха в Алма-Ате была весьма разнообразной, что дает повод написать отдельный очерк об этом мастере, но вернемся к началу истории табаководства в Семиречье.

Весной 1907 года Верный провожал избранных от городского общества депутатов Второй Государственной думы. На Покровской площади (ныне здесь разбит сквер Амангельды Иманова) перед народом-избирателем выступили с программными речами депутаты Яков Егошкин от семиреченских казаков, Мухамеджан Тынышпаев от партии «федералистов» и Михаил Гаврилов от группы «трудовиков».

Алексей Степанович Гаврилов

В депутатской характеристике на Михаила Алексеевича Гаврилова значилось, что он сын знатного табаковода Семиречья Алексея Степановича Гаврилова, купца 2-й гильдии Верного, первая табачная фабрика которого в Верном была открыта в 1875 году.

Местные табаки «Дюбек», «Кнайстер», «Самсон», «Трапезунд» были отмечены дипломами Гран-при на международных выставках Парижа, Неаполя, Барселоны. По другим источникам, фабрика открылась девятью годами позднее, когда гавриловский табак – ярунок был удостоен самых почетных отзывов среди курильщиков. Только на российских выставках было

завоевано до двадцати медалей, от малой серебряной до большой золотой.

Среди любителей острых ощущений ходил защечный или жвачный табак-насвай. В старину судачили о курении: надобно табак не нюхать, а «пить». Мол, какой же он нюхательный! Наиболее популярными на начало прошлого века были «табаки Дюбек-куба и Кор-басма»; из низших сортов пользовались спросом тютюн, бакун, махорка. Эмигранты солонь*, жившие под станицей Саркандской,

* Солонь — подгруппа эвенков, проживавших в северо-восточном Китае, значительная часть которых в XVIII веке была также переселена в Синьцзян.

вывели особые сорта «кок-тамак» и «султан-тамак», вывозимые исключительно на экспорт в Китай.

Сын табаковода Михаил Гаврилов родился в Верном в 1880 году. Выпускник Верненской мужской гимназии и Казанского университета. Вместе со старшей сестрой Надеждой и младшим братом Сергеем состоял в наследниках отцовского дела. Однако полиция имела другое мнение и считала левого депутата «левее кадетов». Добавим к досье, составленному верненским полицмейстером, что Михаил Алексеевич и в советские годы был весьма заметной фигурой. Он являлся первым директором табачной фабрики советской Алма-Аты, положив на алтарь революции все, что нажила наследием семья Гавриловых.

В первый год существования табачной фабрики А. С. Гаврилова было выработано табачных изделий на 9150 рублей, а с годами – в два раза выше. В хозяйстве купца появилась в 1894 году фабрика «А. С. Гаврилов и наследники» высших сортов табачных изделий и гильз (т. е. сигарет). Однако конкурентом производства являлась московская фабрика братьев Абрама и Иосифа Катък. По тем временам «гильзы Катък» (сигареты «ДуКат», от фамилий крымских земляков-инародцев Дуван и Катък) – это прототип современных сигаретных фильтров, в которые курящие самолично набивали табак. Были иные таинственные неологизмы, стала другая реальная жизнь. В рекламе душистых сигарет торгового дома Абрама Катък поэтически вещалось:

Она в минуту жизни трудной
Мне в утешение дана...
А из какой бумаги чудной
Приготавливается она!..
И я, с серьезнейшею миной,
Учу любимого сынка:
«Сынок! Как станешь ты мужчиной,
Кури лишь ГИЛЬЗУ КАТЪКА!»

В последующие годы Советской власти остались только две табачные фирмы – арендные товарищества «Братья М. и С. Гавриловы и Н. Кадкин» и «Муравьи» нэпмана Ивана Федоровича Ледашева, из купцов новой экономической политики. Революционная ломка сложившихся рыночных отношений, нарушение связей по сбыту и транспорту, неустойчивость «верненского рубля» к валюте, общее обнищание хозяйства области привели к ликвидации табачных фирм в Алма-Ате, что отразилось в работе съезда частных табаководов Семиречья. Докладчик М. А. Гаврилов с горечью признал полный развал табачного дела, «...когда опыт создания артелей закончился многочисленными взаимными обвинениями в обманах. Но дело не в нас, а в новом режиме, – заметил табачник. – Кооперирование же только с целью кредитования мало устраивает табаководов в силу неустойчивости сельскохозяйственного кредитного товарищества...»

Местные купцы разорились «благодаря» всесильному товарищу, «Алма-Атинскому Местхозу» – новой хозяйственной и управленческой структуре. На этом кустарно-промышленный дух напрочь покинул брренное тело былого табаководства в Семиречье. Сгинули в небытие и сами табаководы, талантом и

усердием которых все так благополучно начиналось. В 1925 году семейное дело национализировано совнаркомовской властью и передано в государственное махорочное дело.

Между прочим, в доме Ледяшева на Нарынской улице (ныне Ч. Валиханова), в одноэтажной купеческой хатке, в лабазах душистого табака разместили «Красный архив», т. е. республиканскую городскую библиотеку и областное архивохранилище. Здесь отбывал ссылку кремлевский нарком Лев Троцкий друг вождя пролетариата Ленина и основатель Красной армии. Заметим, в его

Дом купца Гаврилова

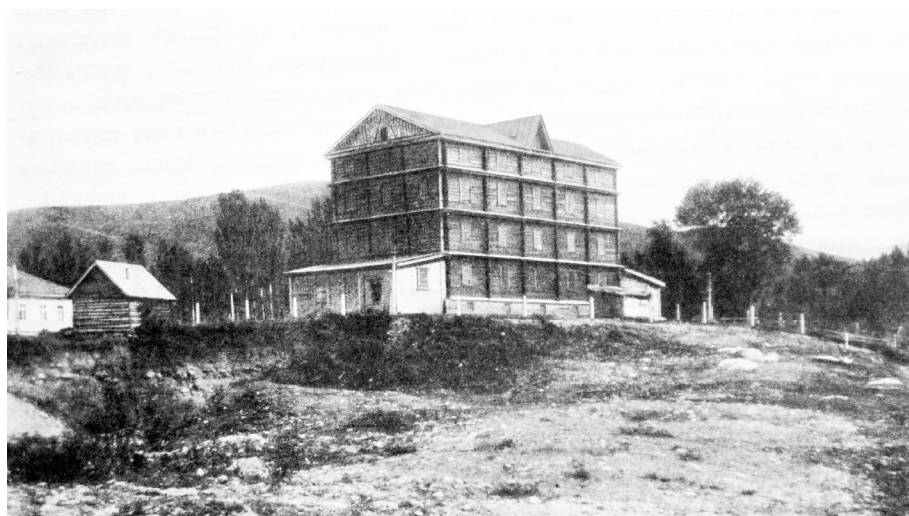
память переименовали соседнее село Каскелен и городской театр бывшего Общественного собрания (с 1919 г. клуб-театр большевиков им. Л. Троцкого). Здесь 5 февраля 1921 года на партийной конференции было принято решение о переименовании Верного в Алма-Ату.

Родные пенаты Гавриловых по улице Лепсинской (с годами Дм. Фурманова; ныне – проспект Н. Назарбаева) стали однажды своеобразным Домом правительства. Партийная элита с крыльца дома приветствовала революционно настроенных горожан по Первомайским, Октябрьским и иным торжествам...

Успех табачника Гаврилова не ограничивался устройством плантаций, сбытом продукта в сыром виде в Верном и уездных городах Семиречья. Алексей Степанович слыл талантливым селекционером, доводя опыты выращивания, уборки, обработки американских и турецких табаков, применительно к климатическим условиям окрестностей Верного, до совершенства. Алексей Гаврилов построил городские достопримечательности – многоэтажную, самую высокую фабрику в Мало-Алматинском ущелье, вальцево-крупчаточную мельницу на Алматинке, благоустроил ботанический и фруктовый сад с великолепным прудом у подножья Веригиной горы. Гости от мала до велика запечатлели в литературе и фотографиях дачу наследников: быт и нравы постояльцев; спортивные баталии в крокет или бильярд, иные захватывающие игры; вылазки молодежи за цветами-семицветами, – подснежником, ирисом, пионом (старожилы называют красные цветы Марья

Коревна). Словом, все верненское житье-бытье сохранилось на почтовых открытках местных издателей и фотографов Павла Лейбина, Николая Тарнецкого, Александра Шаврова.

Мы же посвятим отдельный разговор тому, как погибло наследие семьи табаководы в сокрушительный селе-грязевый паводок 8 июля 1921 года. Чтобы понять грандиозность июльской катастрофы, надо помнить, сколь много бед и горя причинила тогда городу живописная река Алматинка. Поток разорвал город на два гремящих рукава, разрушив головные сооружения каналов-арыков, строения

Мельница Гаврилова. Самое высокое здание Верного

Гавриловской мельницы, и двинулся шириной в 200 метров между будущими проспектами Ленина и Карла Маркса, превратив главные улицы города и Большой станицы в бездонные пропасти, каменные нагромождения, непреодолимые тропы. Выше по ущелью прошел третий поток: он двинулся по улице Гончарной (ныне – Муратбаева), изменив очертания местности Кучегуры, разрушив дороги, мосты, сады, хозяйства между Каргалинским шоссе (ныне улица Джандосова) и Ташкентской аллеей.

По предварительным сведениям, было снесено 18 мельниц, уничтожено 19, занесено лавой 73, повреждено 408 зданий. Число жертв было огромно. Изувеченные трупы людей отвозили в Троицкую церковь, что стояла на улицах Мещанская (Калинина) и Пушкинская. На площадь, прозванную Каменной, близкие ходили на опознание трупов. Похороненных определили в 650 горожан, остальные исчезли навсегда в грязекаменной массе. Однако памятная страница истории Алма-Аты осталась, увы, непочитанной. Скажем лишь, перекатанная глыба в 14 кубометров и весом до 25 тонн могла бы стать скорбным памятником на улице Валиханова, между Шевченко и Джамбула. В память жертв стихийного бедствия.

Мы приведем воспоминания о том бедствии академика Галины Анатольевны Пугаченковой (1915–2007 гг.), уроженки Верного, дочери первого советского архитектора Алма-Аты. Встреча наша с ней началась в ташкентской квартире, с восточного чая с сухофруктами, перешедшего в разговор о судьбе репрессированного отца ее Анатолия Александровича. Вспомнилось ей, что пока росла Галинка, отец, проводив на фронт областного архитектора Андрея Зенкова, взял на себя ношу

благоустройства Алма-Аты. В первые годы советской власти семья Пугаченковых взялась за новое обустройство жизни, как и многие другие лишившись собственного дома. Семью переселили во временку Пушкинской школы, где работала завучем мама Софья Петровна (настоящие имя и фамилия Эстер Вальдман).

Хозяйка дома была обрадована нечаянному подарку – собранию документов об отце. В разговоре была затронута тема селевого потока 1921 года, связанная с семейными воспоминаниями. «...Мне было шесть лет, и я отчетливо вижу события той страшной июльской ночи, – поведала Галина Анатольевна. – Меня поразила коричневатая жижа, бликующая на утреннем солнце всеми цветами радуги, в которой плавали сбитые с поваленных деревьев румяные алма-атинские апорты». Страшная картина на бывшей даче купца Гаврилова...

Фабрика Н. А. Гавриловой

Галина Анатольевна продолжает воспоминания: «...На лето для детей Пушкинской школы была организована дача в бывшей усадьбе купца Гаврилова в предгорной зоне. В центре обширного сада, в низине, стоял нарядный одноэтажный особняк. В нем устроили спальни, комнаты для занятий музыкой, рисованием, чтением... Дети – несколько десятков малышей – проводили здесь пять дней, а в субботу вечером родители забирали их домой на выходные. Оставалась моя мама, завуч школы Софья Вальдман, учительницы пения – Вера Войцеховская и старая дева Мария Смирнова. Среди устроителей дачи были постояльцы – сторожиха Лена и повариха Марфа, солдатская вдова с дочкой Тоней и ее братишкой. Благодарение Богу, что наводнение произошло в ночь, когда все дети были в городе...

...А началось стихийное бедствие, помню, с дождика, который приветствовался кем-то на даче Гавриловых старой невинной считалкой: «Дождик, дождик, пуще! Дадим тебе гущи! – рассказывала Галина Анатольевна Пугаченкова. – А дождь все усиливался, крупные водяные жемчужины утратили свои многоцветные переливы, густые тучи закрыли небо, дождь обрушивался сплошной непроницаемой стеной. И вдруг, прорвав дамбу мельницы, могучим потоком, неся грязь, куски скал, камней, вырванные с корнем деревья, вода устремилась в Мало-Алматинское ущелье...

...И вот мы, оцепенелые от ужаса, сидим на печи – две женщины и трое малых детей. Полный мрак, за окном и запертой дверью что-то ревет, слышен вой ветра, какие-то удары. Страшно!» Далее Г. А. Пугаченкова с болью вспоминает другие эпизоды июльской катастрофы: «...И вдруг грохот, грязевая волна пробивает отнюдь не хлипкую дверь и устремляется в соседнюю комнатку. А оттуда, высадив стекла в паре окошек каморки, снова наружу. К счастью, печь высока, мы сидим впятером, тесно прижавшись друг к другу на этом рассекающем по ток ковчеге...

А там среди двора, среди хлама и грязи – обвалившиеся стволы и многочисленные крутые валуны... Спасла нас отважная повариха Марфа, которая, словно некрасовская женщина, «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет». И селевого потока не устрашится...

Но вернемся к истории табачного дела Верненского края, вспомним, что в трудные годы землетрясений 1887 и 1910 годов все-таки устояло четыре табачные фабрики. В 1891 году в Верном появилась рядом с табачным делом А. С. Гаврилова фабрика Леонтия Романенко и его наследников братьев Иллариона и Порфирия, внука Андрея Порфирьевича. В Верненских уездах славились плантации и фабрики крупного деятеля, купца 1-й гильдии Николая Иванова, его фирмы «Н. И. Иванов и наследники». Конкурентом в деле была фабрика И. Д. Лутманова, открытая в 1902 году, тоже весьма достопримечательная. Иван Данилович был весьма значимым горожанином, Верненским мэром, т. е. головой Думы (1890–1896 гг.), бывал в депутации на царском дворе в Москве и Питере, владел крупчаткой (с 1890 г.) и табачной фабрикой в Казачьей станице (с 1902 г.).

Многоэтажная массивная фабрика и «лутмановский пруд», тоже с гавриловскими примечательностями, появились на первых открытках верненского издателя Николая Тарнецкого, представителя фотофирмы Г. Герлиха Варшавского почтового союза. Продолжили по-братски дело семья Романенко, доведя счет до изначально обозначенных четырех фабрик: первые две Алексея Гаврилова и Иллариона Романенко вырабатывали высшие сорта табака. В начале прошлого столетия открыл гильзовую фабрику купец Иван Ефимович Родионов; с 1913 г. открылось производство еще на двух заводах: «Товарищество Ф. Пестов и А. Родионов» и «Товарищество «Унион». Здесь работало 45 верненцев, годовой заработок не превышал 240 рублей. Производство табачных фабрик равнялось до трех тысяч царской валюты.

Судьба свела дочь А. С. Гаврилова Валентину с семьей стерлитамакского купца 2-й гильдии Кадкина Николая Александровича (табаковод родился в 1874 г. в Уфимской губернии). С купеческим размахом дело «Кадкин и компания» по-

Надежда Алексеевна Гаврилова

шло с 1911 г. совместно с мешанкой Софьей Леонидовной Арфаницкой. Появились папиросная фабрика, табачные магазины оптовой и розничной торговли по продаже табачных изделий. Табачник Кадкин вел активную общественную жизнь в Верном, состоял председателем старшин Коммерческого собрания, был гласным в городской управе в годы правления администрации А. И. Путолова, Я. С. Щепкина, И. Л. Брызгалова, С. И. Петухова. В советские годы Н. А. Кадкин стал депутатом Туркестанского съезда табачников (Ташкент, 1921 г.), заведующим Семиреченским управлением табачной промышленности. Между прочим, назначен режиссером Советского театра, совместно с Софьей Арфаницкой, коллегой по табачному делу и... верненской актрисой.

Товарищество «Братья М. и С. Гавриловы и Н. Кадкин», образованное в 1923 году, было национализировано двумя годами позже. В 1919 году в арестном деле по поводу конфискации имущества значатся понятия при обыске многолетней гавриловской семьи: старшая сестра Надежда – 57 лет; братьям и сестрам Александру – 20, Анне – 23, Николаю и Сергею – 18, Елизавете – 28 лет. Дочь Н. А. Гаврилова была совладелица с 1890 года вальцово-механической мучной мельницы, табачной плантации на Садовых участках, фабрики и магазина табака в Верном на улице Пушкинской. Сель 1921 года по реке Алматинке уничтожил производство Гавриловых. Да и последующие события были не менее трагичны.

Жена Михаила Гаврилова Вера (родилась в Верном 6 мая 1887 г.) была дочерью генерал-лейтенанта А. П. Ягодкина, Семиреченского воинского начальника. Свадьба Гаврилова – Ягодкиной состоялась 9 июля 1910 года, брак был расторгнут по политической ситуации 24 октября 1928 года, в эпоху первых репрессий. Десятилетия диктатуры пролетариата. Семья выселена из собственного дома (ул. Иссык-Кульская, д. 120, ныне – Желтоксан) с обвинением местного ЧК: «дочь бывшего офицера и жена крупного табачного фабриканта-кадета – члена Государственной думы».

Словом, все было смешано-перемешано в этой табачной истории в чудесном городке Верном, в грядущей светлой жизни – столице Казахстана Алма-Ате. А сначала, по смерти 8 июня 1906 года Алексея Степановича Гаврилова, основателя табачного дела, наследие благополучно перешло к предприимчивому семейству – к сестре Людмиле Степановне и ее фирме «Л. С. Гаврилова и ее наследники», затем к его дочери Надежде Алексеевне и ее братьям Михаилу и Сергею, сведений о которых после 1930 года, увы, нет...

От редакции. Табак в Казахстане выращивается в основном в юго-восточном регионе республики, где наиболее крупные табачные плантации сосредоточены в Енбекшиказахском районе, в 100–150 километрах от Алматы. В рамках международных обязательств Казахстан сокращает посевы табака. Наше государство является участником Рамочной конвенции по борьбе против табака Всемирной организации здравоохранения (РКБТ ВОЗ). Как и все страны, ратифицировавшие эту конвенцию, Казахстан взял на себя обязательство по сокращению посевных табачных полей, что отвечает политике государства в сфере поддержания здоровья населения (Zakon.kz).

